

УДК 73

«Новый» человек в советской культурной политике 1920–1930-х годов**Слепухин Виктор Валерьевич**

Декан факультета Искусство реставрации,
Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова,
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское шоссе, 9;
e-mail: slepukhin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена обоснованию и воплощению образа «нового» человека в культурной политике и искусстве 1920–1930-х годов. Концепция построения «нового» человека была одной из важнейших для идеологов культурного строительства; в этой концепции партия исходила из социологического подхода, согласно которому создание идеальных социальных и производственных условий приведет к пересозданию человека на новых основаниях. Идеал «нового» советского человека содержал в себе приметы возрожденческого идеала: он сочетал в себе бескорыстное стремление к труду и знаниям, поэтизацию городской и крестьянской жизни, производства и научного поиска, спорта и нового быта. При этом, если в 1920-х логическим образом образ «нового» человека воплощался в формах нового, авангардного искусства, то в 1930-х репрессивная политика в области культуры свела все творческие поиски к единому руслу «социалистического реализма». Сложная природа соцреализма, воплощавшего в себе одновременно и реалистические тенденции (отражение существующего миропорядка), и романтические (отражение идеальных, исключительных образов), привело к формированию в искусстве образов идеальных, красивых, но далеких от реальности. Образ нового человека в искусстве остался прекрасной недостижимой целью, идеалом человека будущего, утопической проекцией реального советского человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Слепухин В.В. «Новый» человек в советской культурной политике 1920-1930-х годов // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 604-609.

Ключевые слова

Социалистический реализм, монументальная пропаганда, советское искусство, новый человек, советский человек, Homo Sovieticus, партийное искусство.

Введение

Революция 1917 года стала переломным моментом в существовании русского искусства: не только кризисным и угрожающим, но и обещавшим обновление и перекроение всей социальной реальности – в том числе и художественной. Несмотря на переворот всех привычных реалий, вера в светлое будущее привела к интенсивному подъему творческой и социальной активности. Как отмечает А.С. Епишин, «это состояние ожидания всеобщего, вселенского обновления и определило по большей мере эмоциональную атмосферу ранней советской эпохи» [Епишин, 2011, 58].

Одной из важнейших задач революции было построение нового типа человека – свободного и прекрасного, не скованного былыми предрассудками, насилием и ветхими социальными отношениями. Как писал в 1917 году М.Горький, «Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди» [Горький, 1918, 5]. И действительно, «в результате культурной революции 1927-1932 гг. удалось изменить сущность людей, их ментального уклада до такой степени, что о прошлых годах напоминала одна лишь морфология» [Плаггенборг, 2000, 31]. Правда, результат социальных преобразований оказался во многом неожиданным и точно не отвечал всем поставленным идеалам.

Эта эпоха породила ряд художников, веривших, что именно искусство может преобразить реальность и человека; эту веру разделяла и партийная власть. Концепция «нового человека» заняла особое место в раннесоветской идеологии.

Новый человек и новая советская реальность

Первые идеи по созданию «нового человека», по сути, восходят к христианским концептам – новому небу, новой земле и тому, кто достоин войти в Царствие небесное. Христианству действительно удалось создать новый тип человека – другое дело, что чистая идея христианского самопожертвования и любви так или иначе существовала в объективной социальной реальности и трансформировалась ею.

В новейшее время идея формирования нового человека связывались с теорией Дарвина, которая напрямую легла в основу как генетики, так и евгенических теорий XX века [Молостова, 2014]. В XX веке наиболее яркие проекты по созданию нового человека были предприняты в Германии и Советском Союзе – на принципиально разных основаниях, генетических и социальных: если немецкие «специалисты» считали возможным вырастить общество «лучших представителей» генофонда, то советские ученые верили в то, что построение идеального хозяйствования и общества поспособствует созданию идеальной личности.

А.В. Луначарский в своих выступлениях неоднократно формулировал идею нового человека и его формирования искусством: «новый работник может получиться только там, где уже имеются значительные зачатки для создания нового человека, а эта задача – глубочайшим образом специфически культурная задача, и здесь искусство выступает своей другой стороной как идеологическая сила» [Луначарский, 1970, 14]. Однако, при всем изобилии проектов на тему нового человека, эти проекты и проспекты были мало обоснованны.

В качестве примеров нового человека выступали в первую очередь революционеры (что отражалось в массе революционных портретов – в частности, в ленинианах И.Бродского и других). Недаром А.В. Луначарский писал: «Ленин с головы до пят человек нового мира. В этом его огромная особенность...» [Луначарский, 1980, 3]. Список «великих людей», утверждённый постановлением СНК от 30 июля 1918 года¹, также отражает групповой, обобщенный образ «образцового» человека: в список входят не только революционеры (Маркс и Энгельс, Спартак и Брут, Марат и Робеспьер, Рылеев и Герцен и пр.), но и писатели и поэты (Толстой и Достоевский, Лермонтов и Пушкин, Радищев и Салтыков-Щедрин и др.); значительно меньше философов и ученых, художников, композиторов и артистов.

Поначалу концепция нового человека в искусстве естественным образом предполагала и новаторство форм его изображения – то есть авангардизм, «авангардные поиски в искусстве, напрямую связанные как с образом самой утопии, так и с представлением о новом человеке» [Петровская, 2012, 3]. Однако уже в конце 1920-х – начале 1930-х центральная линия централизованной культурной политики партии отказалась от авангарда (как в виде «формализма», так и в виде «натурализма»).

В 1920-х годах, с поворотом от свободы авангарда к построению нового единого социалистического искусства, концепция нового человека включила в себя и утопически понимаемый образ нового города (нужно помнить, что план монументальной пропаганды Ленина опирался во многом на образ Города солнца Томмазо Кампанеллы [Луначарский, 1968, 198]). «Новый человек послереволюционной эпохи проектировался в соответствии с принципами технической футурологии» [Епишин, 2011, 62]. Советский новый человек был призван стать основой технократической утопии, в которой грань между умственным, творческим и физическим трудом стиралась (см. «Новая планета», «Люди будущего» К.Юона). При этом существующие города переживали слом привычных культурных координат: «Новые люди ... рушили старые и пытались возводить новые монументы, создавали свои святыни и места поклонений и глумились над чужими, бесцеремонно вторгались в привычную среду обитания городских жителей...» [Измозик, Лебина, 2010, 234].

К началу 1930-х годов проект создания нового человека кипел во всех областях культурного строительства: происходила ликвидация безграмотности, соцсоревнования, первые пятилетки – и в то же время начались репрессии, процессы над «врагами народа». Продолжало формироваться понятие нового человека – «героя нового времени», человека вне предрассудков, совершенном и гармоничном, почти что человека Возрождения.

Стремление построить нового человека естественным образом поднимало вопросы педагогики. Одним из первых понятие «нового человека» употребил Макаренко в своей «Педагогической поэме». Как говорил Горький, «рост нового человека особенно ярко заметен на детях» [Первый всесоюзный..., 1934, 15].

Данные живописи и графики, кинематографа и скульптуры 1920-1930-х годов свидетельствуют о культе спорта, физической силы, обнаженной натуры и (ср., в частности, работы А.Дейнеки, Ю.Пименова). В отличие от сходных процессов в Германии (которая полагала себя наследницей античных идей и символики), в СССР это тяготение объяснялось тем

¹ Декрет «Об утверждении списка памятников великим людям» опубликован в «Известиях» 1918 года, № 163.

же романтическим характером идеализации «всего» человека, в единстве его телесности и внутреннего мира. Также в телесности нового человека воплощалась идея «коллективного пролетарского тела», пересоздающего себя в процессе учебы, труда, спорта.

Однако стремление построить нового человека, не связанного узами прошлого, устаревших социальных отношений, закономерным образом влекло за собой и излишнюю героизацию этого образа: «Поскольку новое государство позиционировало себя как страну, в которой нет угнетения и эксплуатации человека, то и образ этого нового человека должен был состоять только из положительных характеристик» [Демидова, 2017, www]. Так на картинах появлялись физкультурники и колхозники, рабочие и ученые, выглядевшие как атлеты, со светлым взглядом верующего-идеалиста, а в печати появлялись мифологизированные образы «новых» героев, детей революции: стахановцев и бусыгинцев, летчиков и полярников.

Заключение

Таким образом, формирование нового человека в раннесоветском искусстве происходило путем воплощения в искусстве «положительных примеров»: в революционной деятельности, в индустриальном жанре, в освещении «нового быта» в городе и деревне.

Проблема формирования нового человека силами искусства заключалась в том, что в данной концепции творчество приобретало черты демиургического творения; «социалистический реализм», в итоге, обратился в идеализм, в нео-романтизм, ставящий своей главной целью не отразить реальность, а преобразить ее. И новый человек, создаваемый на монументальных полотнах и в героической литературе, во многом оставался культурным конструктом, поучительным примером. При этом неоднозначность, сложность внутреннего мира человека все более отрицались, все более противоречили образу «нового» человека, не сомневающегося и всесторонне положительного.

Библиография

1. Горький М. Революция и культура. Статьи за 1917 год. Берлин, 1918. 88 с.
2. Демидова Т.В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов // Războiul pentru trecut / Война за прошлое. 2017. URL: <https://razboiulpentrutrecut.wordpress.com/2017/05/04/образ-идеального-советского-человек/>
3. Епишин А.С. Человек в раннем советском искусстве. Мифы и реальность // Мир современной науки. 2011. № 2. С. 58-69.
4. Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: Крига, 2010. 248 с.
5. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. 387 с.
6. Луначарский А.В. Основные задачи Советской власти в области искусства. (Доклад на VII Всесоюзном съезде работников искусств) // Луначарский А.В. Незданные материалы. М., 1970. С. 12-30.
7. Луначарский А.В. Человек нового мира. М., 1980. 298 с.
8. Молостова Е.С. Модели «нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Вып. 28. С. 168-175.
9. Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М., 1934. 720 с.
10. Петровская Е.В. (ред.) Культура и революция: фрагменты советского опыта 1920–1930-х гг. М., 2012. 127 с.
11. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. 416 с.

The “New man” in the Soviet cultural policy of the 1920s – 1930s

Viktor V. Slepukhin

Dean, the faculty "Art of Restoration",
Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,
125080, 9 Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: slepukhin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the substantiation and embodiment of the image of a “new man” in the cultural policy and art of the 1920s – 1930s. The concept of building a “new man” was one of the most important for ideologists of cultural reconstruction; here the Communist Party proceeded from a sociological approach, according to which the creation of ideal social and production conditions will lead to the re-creation of man on new grounds. The ideal of the “new” Soviet man contained the signs of the Renaissance ideal: he combined an unselfish desire for work and knowledge, poetization of urban and peasant life, of production and scientific search, of sport and new life. Moreover, if in 1920s the image of the “new man” was embodied in the forms of a new, avant-garde art in a logical way, then in the 1930s the repressive policy in the field of culture brought all creative searches to a single channel of “socialist realism”. The complex nature of socialist realism, which embodied in itself both realistic tendencies (reflection of the existing world order) and romantic (reflection of ideal, exceptional images), led to the formation in the art of images of the ideal, beautiful, but far from reality. The image of the new man in art remained a wonderful unattainable goal, the ideal of the man of the future, the utopian projection of a real Soviet man.

For citation

Slepukhin V.V. (2017) “Novyi” chelovek v sovetskoi kul'turnoi politike 1920-1930-kh godov [The “New man” in the Soviet cultural policy of the 1920s – 1930s]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (5A), pp. 604-609.

Keywords

Socialist realism, monumental propaganda, Soviet art, a new man, a Soviet man, Homo Sovieticus, Soviet Party-approved art.

References

1. Demidova T.V. (2017) *Obraz ideal'nogo sovetskogo cheloveka v pechati SSSR 1930-kh godov* [The image of the ideal Soviet man in the press of the USSR in the 1930s]. *Războiul pentru trecut / Voina za proshloe*. Available at: <https://razboiulpentrutrecut.wordpress.com/2017/05/04/obraz-ideal'nogo-sovetskogo-chelovek/> [Accessed 14/05/2017].
2. Epishin A.S. (2011) *Chelovek v rannem sovetskom iskusstve. Mify i real'nost'* [A man in early Soviet art. Myths and reality]. *Mir sovremennoi nauki* [The world of modern science], 2, pp. 58-69.
3. Gorky M. (1918) *Revolutsiya i kul'tura. Stat'i za 1917 god* [Revolution and Culture. Articles for 1917]. Berlin.
4. Izmozik V.S., Leбина N.B. (2010) *Peterburg sovetskii: “novyi chelovek” v starom prostranstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: “new man” in the old space. 1920-1930-ies]. Saint Petersburg: Kruga Publ.
5. Lunacharskii A.V. (1968) *Vospominaniya i vpechatleniya* [Memories and impressions]. Moscow.

6. Lunacharskii A.V. (1970) Osnovnye zadachi Sovetskoi vlasti v oblasti iskusstva. (Doklad na VII Vsesoyuznom s"ezde rabotnikov iskusstv) [The main tasks of the Soviet authorities in the field of art (Report at the 7th All-Union Congress of Artists)]. In: Lunacharskii A.V. *Neizdannye materialy* [Unpublished materials]. Moscow, pp. 12-30.
7. Lunacharskii A.V. (1980) *Chelovek novogo mira* [Man of the new world]. Moscow.
8. Molostova E.S. (2014) Modeli "novogo cheloveka" v sovetskii period: podstupy k transgumanizmu [Models of the "new man" in the Soviet period: the approaches to transhumanism]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scholarship statements. Series Philosophy. Sociology. Law]. 9 (180), 28, pp. 168-175.
9. *Pervyi vsesoyuznyi s"ezd sovetskikh pisatelei, 1934: stenograficheskii otchet* [First all-Union congress of Soviet writers, 1934: verbatim report] (1934). Moscow.
10. Petrovskaya E.V. (ed.) (2012) *Kul'tura i revolyutsiya: fragmenty sovetskogo opyta 1920–1930-kh gg.* [Culture and revolution: fragments of the Soviet experience of the 1920s-1930s]. Moscow.
11. Plaggenborg Sh. (2000) *Revolutsiya i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma* [Revolution and culture: cultural reference in the period between the October revolution and the Stalinist epoch]. Saint Petersburg.